

Л.Д. Громова

Образ родной земли

Родная земля — один из самых основных, может быть, главный образ «Войны и мира».

Характерно, что во всем первом томе, пока война идет за пределами России, почти нет описаний природы. Лишь в самом конце его появляется надмирный, философский пейзаж — «далекое, высокое и вечное небо», увиденное раненым в Аустерлицком сражении князем Андреем. Но во втором томе, когда действие сосредоточивается в России, просторные, прекрасные пейзажи, описания московских улиц, домов следуют одно за другим. Это родина, в которую скоро вторгнется неприятель и которую придется защищать. Все в ней слишком дорого сердцу.

На первых же страницах — родной дом на Поварской, куда приезжает Николай Ростов из армии: «Вот он, угол-перекресток, где Захар-извозчик стоит; вот он и Захар, и все та же лошадь. Вот и лавочка, где пряники покупали... Наконец сани взяли вправо к подъезду; над головой своей Ростов увидел знакомый карниз с отбитой штукатуркой, крыльцо, тротуарный столб... Все та же дверная ручка замка, за нечистоту которой сердилась графиня, так же слабо отворялась».

Это, может быть, и проза, но родная — жизнь, в которой нельзя позволить хозяйничать чужому человеку: ему ведь ничего не скажут карниз с отбитой штукатуркой и дверная ручка замка.

А потом, в деревне, начинается подлинная поэзия. Вообще второй том «Войны и мира» — самый лиричный, поэтический.

Родная природа словно вторит самым душевным мыслям — как в Богучарове, во время разговора Андрея и Пьера на пароме. Дальше, очень скоро, будет знаменитый дуб, сначала мрачный, а потом могуче-зеленый, лунная ночь в Отрадном и взволнованная красотой мира Наташа: «Ах, какая прелесть!.. Ведь этакой прелестной ночи никогда, никогда не бывало». И эта красота преображает, обновляет: «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год, — вдруг, окончательно, бесперменно решил князь Андрей».

Образ родной земли, России, буквально переполняет всю четвертую часть второго тома, где изображена деревенская жизнь Ростовых в 1810 году: охота, ряженные, поездка на тройках к соседям, гаданье Сони у амбара и Наташи у зеркала... Это прекрасные, божественные страницы. Их нельзя цитировать, их нужно читать, упиваясь каждой деталью.

Герои Толстого живы связью с родной землей, родным домом, поэтому такой больно отзывается в князе Андрее картина разоренных войной Лысых Гор. Через несколько глав начинается Бородинское сражение. И опять Толстой подробно, с любовью рисует пейзажи. Для Наполеона это лишь местность, на которой располагаются войска; для русских — того времени и сейчас — это родная земля. Мы и теперь ездим в это священное для каждого русского место, сверяя его с романом Толстого как с наиболее достоверной памятью.

Подлинный апофеоз образа родной земли — описание Москвы перед вступлением в нее французов: «Блеск утра был волшебный. Москва с Поклонной горы расстилалась просторно с своей рекой, своими садами и церквями и, казалось, жила своей жизнью, трепеща как звездами, своими куполами в лучах солнца». Наполеон самодовольно проговаривает «исторические» фразы, которые услужливо фиксируются окружающими, чтобы потом войти в мемуары, а Москва молчит и не преподносит победителю ключей.

Прав был Тургенев, сказавший о «Войне и мире»: «Это великое произведение великого писателя — и это подлинная Россия». По книге Толстого весь мир узнавал и узнаёт, что такое Россия.